

«С экспертизой на руках очень удобно вменять недоказуемое»

Что не так с сегодняшней практикой профессионального исследования текстов для судов. Беседа с лингвоэкспертом и участницей громких «политических» процессов Еленой Новожиловой

11:57, 16 апреля 2024,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

Разговор с Еленой Новожиловой, судебным экспертом, автором лингвистических экспертиз по громким делам: почему судебно-лингвистические экспертизы часто противоречат заключениям специалистов на суде, кто может проводить такие экспертизы и почему судьи всегда выносят обвинительные приговоры по «политическим» делам.

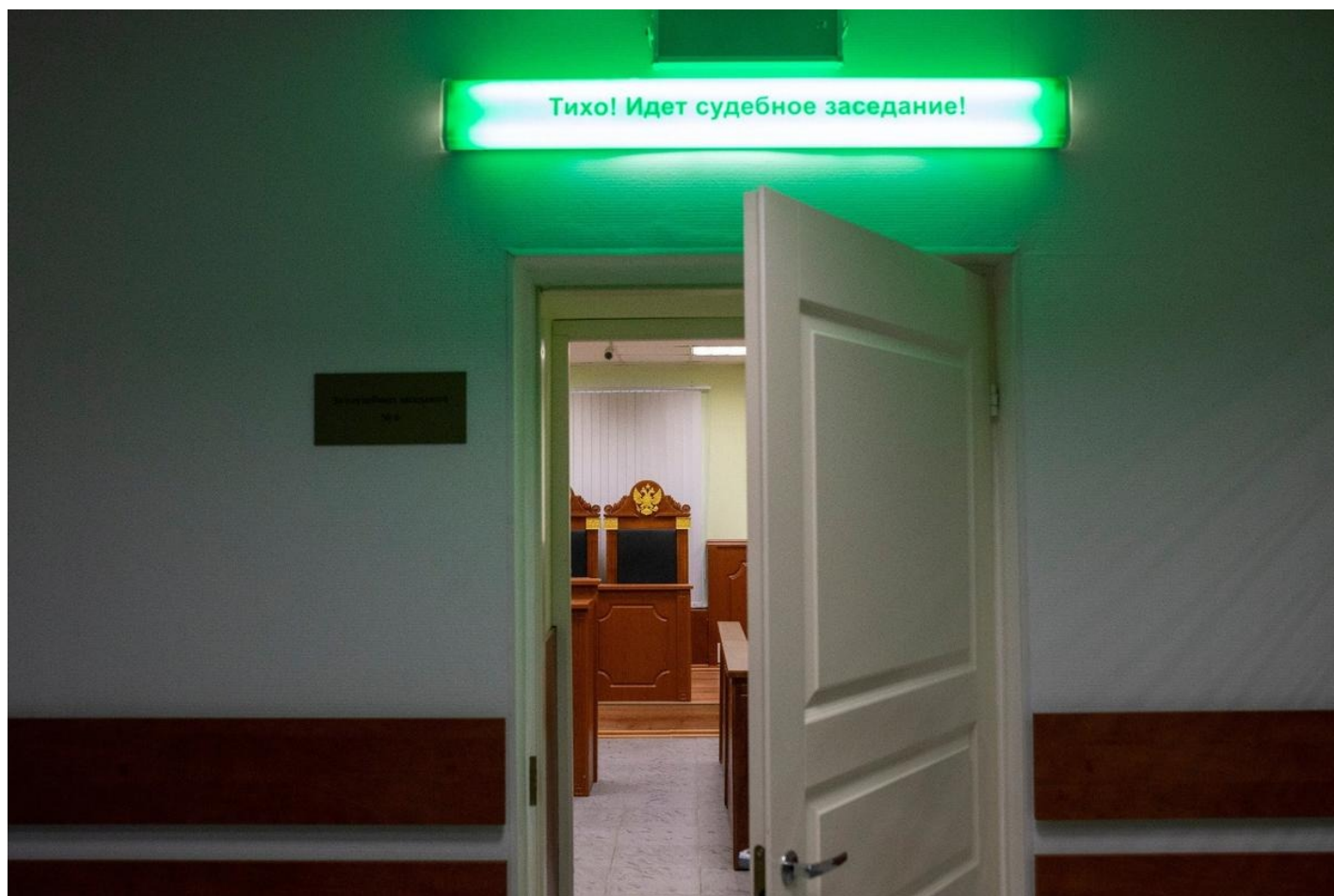

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— В приговорах, которые выносятся по новым репрессивным статьям УК, основным доказательством, как правило, становится судебно-лингвистическая экспертиза. Почему так?

Елена Новожилова

— Смотрите, заключение эксперта — это доказательство. Когда судьи выносят приговор, они должны его как-то мотивировать. И им гораздо проще мотивировать доказательствами, чем, скажем, своим усмотрением, которое они не могут объяснить. Да, действительно, как говорил уже давно адвокат Генри Резник, «правосудие подсело на иглу лингвистических экспертиз». Так и есть. Это очень масштабное явление, такой судебный аутсорсинг, и оно действительно нужно суду. И пожалуй, это хорошо. Потому что в любом случае это менее субъективно, чем судебское усмотрение, и в отличие от усмотрения более оспоримо.

А если говорить о статьях (УК РФ. — Ред.) 2022–2023 года, они написаны кривовато, то есть громоздко в смысле синтаксиса русского языка. Они были созданы с нарушением принципа правовой определенности. Иногда, что заметно и не юристу, они

противоречат Конституции. И вот когда такое законотворчество нужно применять, получается, что эти нормы трудноприменимы. Иногда получается, что они даже недоказуемы.

«Процессуальная ловушка»

— А экспертиза?

— А с ней очень удобно вменять недоказуемое. Экспертиза, во-первых, увеличивает весь объем доказательств. Это удлиняет логическую цепочку доказывания по делу и оставляет много возможностей для логических ошибок. Поэтому с недоказуемыми нормами наличие экспертизы очень хорошо для правоприменителя.

Кроме того, вся судебная экспертиза, а не только лингвистическая, всегда зиждется на коллизии, на противоречии. Оно описано в книгах по криминалистике. Это то, что ученый Рафаил Самуилович Белкин, классик криминалистики, называл процессуальной ловушкой. Он перечислял несколько процессуальных ловушек. Вот это одна из них. И суть ее в том, что, когда мы делаем экспертизу, мы применяем специальные знания. В частности, для производства лингвистической экспертизы необходимы филологические знания. Такими знаниями не обладают суды, не обладают стороны.

И суд, когда получает заключение эксперта, должен его оценить точно так же, как и другие доказательства. Но он не может его оценить на всю глубину, потому что для этого нужно обладать теми же специальными знаниями. Должен, но не может. И на этом противоречии очень много всего построено,

и в подавляющем большинстве случаев

нечестные участники процесса играют на нем, имитируют экспертизу, имитируют ее оценку, используют экспертизу как наполнитель или как ширму, и кардинально с этим ничего нельзя поделаться.

Это основное слабое место. О нем можно только знать и не давать себя в обиду.

— Кто по закону может проводить экспертизу по подобным делам? Мы знаем, что бывает экспертиза МВД, ФСБ, Минюста. В чем разница между экспертизами, проводимыми каждым из этих ведомств?

— На самом деле сейчас мы находимся на пороге принятия нового судебно-экспертного закона. Есть законопроект, сейчас заинтересованные стороны к нему готовят поправки. И пока трудно представить, что в нем будет в окончательном виде. Но если говорить о действующем законе, лингвистическую экспертизу могут проводить все, лишь бы у человека были специальные знания.

Под специальными знаниями эксперта-лингвиста понимается филологическое образование. Компетенцию эксперта проще всего определять по диплому. Поэтому существует статус-кво: у тебя есть филологическое образование, которое ты можешь подтвердить дипломом, или есть ученая степень кандидата, доктора филологических наук — и суд решает, что ты компетентен, тебе можно поручить экспертизу или можно принять твое заключение. Для госэкспертов (дополнительно) — аттестация. Это удобно, и это в общем правильно. Однако с конца 2021 года в стране была введена госмонополия на ряд экспертиз. Это распоряжение правительства РФ № 3214-р, оно уточнялось в марте 2023 года, и сейчас только государственные

судебно-экспертные учреждения имеют право проводить экспертизы по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях по делам, «связанным с проявлением терроризма и экстремизма». Не очень ясно сформулировано, что такое «связанные с проявлением терроризма и экстремизма». В государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста, МВД, ФСБ и Следственного комитета есть лингвисты, и еще существуют отдельные несетевые государственные судебно-экспертные учреждения. Все примерно одинаковые.

Информационное письмо «сверху» как методика

— Я хочу уточнить: экспертизы проводятся в ходе следствия, а потом, при необходимости, и в суде. Защита также предлагает экспертов, но они в суде уже выступают в качестве специалистов. Так вот, часто приходится слышать от специалистов, когда они оценивают экспертизы, заказанные следствием, что непонятно, какой методикой пользовался эксперт. Объясните, какие существуют методики для экспертиз по так называемым «политическим» делам и как быстро успели их написать.

— Это очень большой вопрос. Ну, во-первых, я должна начать с того, что эксперты и специалисты — это процессуальный статус, то есть та роль, в которой мы выступаем в судебном процессе.

— Да, понятно.

— И объединяет нас наличие специальных знаний. Одних и тех же. Раньше мы называлось «сведущие лица». Теперь эксперты или специалисты — это люди, обладающие специальными знаниями. Эксперт и специалист выступают в каждом виде судопроизводства. У них разная нагрузка, разные обязанности, разные права, но в уголовном процессе они максимально похожи. Это сделано законодателем намеренно, для того чтобы

обеспечить состязательность процесса, чтобы сторона защиты могла пригласить, привлечь специальные знания для своих нужд так же легко, как это делает обвинение. В гражданском, в арбитражном процессе между экспертом и специалистом разница больше. Там специалист находится как бы на подхвате, на посылках, а эксперт — это тот, кому поручается проводить экспертизу. Он сел и написал исследование, выдал вывод. В уголовном же процессе разница между экспертом и специалистом-лингвистом почти не видна.

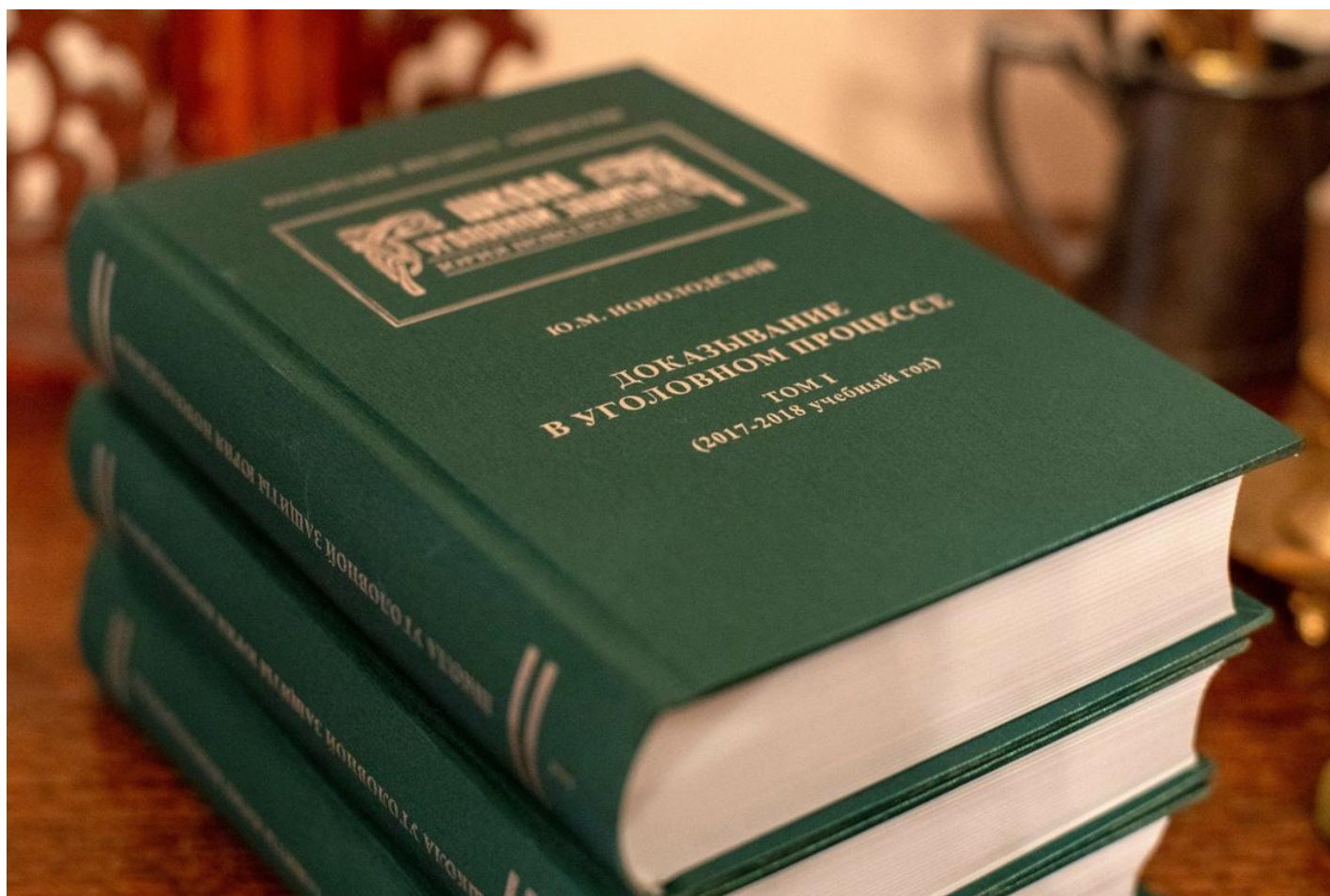

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Что касается методик — это огромный пласт проблем. Дело в том, что в лингвистической экспертизе (я этот тезис часто повторяю и письменно, и устно) очень слабая теоретическая база. Судебная лингвистическая экспертиза практикуется уже более четверти века. Но до сих пор еще адекватно не определены ее основные понятия. Например, что такое объект лингвистической экспертизы? Часто встречается определение,

что это продукт речевой деятельности. По-криминалистически — это следы. Значит, мы по следам изучаем некую речевую деятельность как объективно существующий процесс следообразования. Что такое речевая деятельность тогда? И как нам ее мыслить? Если устное высказывание — это деятельность, то почему письменное — сразу след? Мы не реконструируем речевую деятельность, и никто ее особо не пытается реконструировать. На мой взгляд, это тупиковое определение. Еще говорят, что объекты лингвистических экспертиз — это письменный и устный текст, а кроме них, есть электронные тексты, которые якобы имеют гибридную природу — что-то среднее между устным и письменным текстом. Ну хорошо,

если мы устный текст слышим ушами, а письменный видим глазами, то вот эти гибридные электронные тексты мы воспринимаем чем? Ответа частная теория лингвистической экспертизы не дает, она еще не созрела до него.

Путаница с объектами, путаница с предметом, то есть экспертными задачами, — это второй основной термин. Многие теоретики пытаются писать об этом, они говорят, что экспертные задачи зависят от тех задач, которые решает правоприменитель. То есть мы, получается, должны решать экспертные задачи по взяткам, экспертные задачи по экстремизму, экспертные задачи по терроризму. Тем самым, получается, мы должны ставить свою работу в зависимость от задач, решаемых правоприменителем. Но это навязывание правового мышления. И если у нас в теории вот такое пишется, это означает, что мы уже исходно рассуждаем в категориях

права, мы сразу же выходим за пределы своей лингвоэкспертной компетенции в сферу права. Мы превращаемся в юристов. Нельзя в принципе экспертные задачи классифицировать «по экстремизму», «по терроризму», «по наркотикам», «по взяткам». Нельзя, потому что на самом деле у них другая природа.

Третий основной термин — лингвистические признаки. Это понятие не разработано вообще никем. Поэтому, когда мы спускаемся на ступеньку вниз, в область методик, мы получаем недостаточно надежные и недостаточно достоверные методики.

То есть говорить о судебно-экспертных методиках как о чем-то, на что можно стопроцентно опереться, сейчас нельзя. У каждой есть свои недостатки, и профессионалы могут видеть, насколько эти недостатки масштабны.

По «политическим» делам эксперты руководствуются информационными письмами, методическими письмами, то есть отдельными указаниями, спущенными сверху. Эти указания могут быть странными. Например, письмо ЭКЦ МВД требует применять презумпцию, что «Вооруженные Силы Российской Федерации используются в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания мира и безопасности». Эксперты. Правовую презумпцию.

— Когда экспертам дают материалы уголовного дела, это те самые материалы, которые вменяются обвиняемым в случае дел о «фейках»? И эксперт должен по ним провести лингвистическую экспертизу, чтобы доказать, что эти высказывания, эти записи подходят под статью о «фейках»

или, наоборот, не подходят. Правильно ли я понимаю цель этой экспертизы?

— Нет, во-первых, ни у эксперта, ни у экспертизы не должно быть целей. Эксперту дается речевой материал, и перед экспертом ставятся вопросы. Из этих вопросов логически следует экспертная задача. Вопросы — это варианты, а экспертная задача — инвариант, некий шаблон, который стоит за различными, может быть, случайно возникающими вопросами. Это все, что дается. Ну и кроме того, материал, который исследуется экспертом, может быть вообще какой угодно, он может быть не связан с говорящим, он может быть представлен в искаженном виде, в измененном виде. Иногда до неузнаваемости, такое случается.

«Однорукий бандит»

— Возьмем, например, «дело журналиста Романа Иванова» (*журналист RusNews, осужден на семь лет колонии за военные «фейки»*. — Ред.) из Королева. Его обвиняли в том, что он писал тексты, которые не соответствовали пресс-релизам Министерства обороны. Ну, так всегда бывает, если речь идет об обвинении по так называемым фейкам. Когда вы писали свое заключение, давали ли вам тексты, которые вменялись Роману в вину?

Роман Иванов. Фото: соцсети

— Мне давали. В этом деле я была специалистом, и вопросы мне ставила сторона защиты. Но мне приходилось слышать, что в каких-то делах стороне не давали все материалы. Или давали только часть, или не давали тогда, когда должны. В принципе, на стадии ознакомления защиту должны знакомить со всеми материалами дела. Но бывает, что не знакомят.

— **Бывает так, что проводится экспертиза, согласно которой вменяемые обвиняемому тексты подходят под статью о «фейках», являются заведомой клеветой и т.д. А потом выходит специалист и говорит, что это совершенно не так. Как может получиться, что эти экспертизы друг с другом не согласуются и выводы противоречат друг другу?**

— Причин масса. Во-первых, эксперты не могут делать правовых выводов. И вопросы им должны ставиться другие. Вопросы по делам о военных «фейках» похожи на те, которые задают по искам о защите чести и достоинства: «Имеется ли

здесь негативная информация о Вооруженных Силах Российской Федерации? Если имеется, то в какой форме она выражена — утверждение о фактах либо мнение, либо оценочное суждение?»

Если же перед экспертом поставили правовой вопрос и он на него ответил, не отклонил, то его вывод не совпадет с результатом правильно поставленного вопроса. Во-вторых, может быть либо нарочно, либо не нарочно для проведения экспертизы передана не та речь. Это может произойти, допустим, если речь была получена в ходе оперативно-розыскных мероприятий и зафиксирована абы как. Может быть небрежный перевод. Так возникает несоответствие реально произнесенной речи ее стенограмме и переводу. То есть речь может быть искажена, изменена еще до экспертизы.

Был случай, когда на экспертизу передавался протокол осмотра страницы «ВКонтакте», и на этой странице человек сделал репост из сообщества, насколько помню, «Бессмертный барак». Оперуполномоченный нажал на кнопку, попал в это сообщество и увидел там еще один пост от имени другого пользователя «ВКонтакте». Совпало имя, и была очень похожая фамилия. Этот пост они тоже сохранили в протокол и вменили эту речь первому человеку, который стал обвиняемым.

Могут быть некие ситуации, связанные с комплексностью объектов, когда что-то лишнее присоединяется к речи или, наоборот, что-то важное отсекается, с читаемостью и нечитаемостью, с пригодностью и непригодностью. Эксперт не заметил какой-то нюанс — и все, вывод меняется на противоположный.

Материал может искажаться при копировании, переформатировании, перенаборе текста

вручную; допустим, при нарезке отдельных фраз, фрагментации, вот этом выдергивании их из контекста, когда сама речь передается только в цитатах в постановлении следователя. Откуда он их взял, неизвестно.

Но более того, ошибиться и исказить объект могут сами эксперты. Заключение эксперта — это письменный текст, и исследуется у нас тоже письменный текст: если даже это звучащая речь, все равно есть письменная расшифровка. И начинается размывание границ: где та речь, которую я исследую, где цитата из словаря, где речь следователя, а где моя собственная. Эксперты склонны смешивать и в выводах выдавать за исследуемую речь, допустим, текст из словаря или свое собственное мнение, которое они вводят фразой «иными словами». Например: «Он написал «Нет в...», иными словами, он сообщает о преступлениях, совершенных вооруженными силами».

— **Но это же явная подмена.**

— Конечно, это логическая ошибка, подмена тезиса. Но по нашему законодательству судебная экспертиза не должна быть ни научной, ни логичной. Нет требований в процессуальном законодательстве к научной стороне экспертизы и к логической стороне. К научной стороне — только лишь 8-я статья Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», где сказано, что экспертиза проводится «на строго научной основе». Также не очень понятно, как это. А к логической стороне вообще требований нет. Поэтому в заключениях экспертов и нет логики. И выводы каждый раз разные.

Это лотерея или игровой автомат, «однорукий бандит». Дернешь — один результат, еще раз — другой результат, третий раз дернешь — еще какой-то. Такова наша реальность. Только так быть не должно.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Судебное «днище»

— Меня очень заинтересовала ваша запись в соцсетях, где вы рассказываете о деле того же Романа Иванова и пишете, что рассмотрение этого дела — «днище». То есть в вашей практике это какой-то такой случай, когда вы были поражены уровнем судебного процесса. Я так понимаю, что вы имели в виду поведение эксперта на суде. Что такого невообразимого было на этом суде?

— Это один из редчайших случаев, когда заключение эксперта было написано не тем, кто его подписал. Вот такие нарушения — они в принципе не укладываются в голове. До сих пор я с этим сталкивалась дважды в заключениях известного АНО «Центр социокультурных экспертиз». Посреди текста экспертов возникал текст, написанный человеком, имеющим гораздо более слабые, примитивные письменно-речевые навыки, зато очень хорошо владеющим правовой терминологией. Полагаю, что эти фрагменты писал тот, кто экспертизу назначил. Это было соавторство с заказчиком экспертизы.

— **То есть со следователем?**

— Я предполагаю. Дважды я встречалась с заключениями Данилы Михеева из Солнечногорска (АНО «Центр содействия развитию гуманитарных экспертиз «Независимый эксперт»), точнее, там были комплексные психолого-лингвистические экспертизы. За психолога подписывалась молодая девушка, которая работала учительницей начальных классов в Казани.

А текст был без научных терминов и без научной аргументации, с полным отсутствием логики. Но зато с набором фраз, которые очень точно подходили под диспозицию нужной статьи УК РФ.

И вот эта юная учительница начальных классов никак не смогла бы такое написать. Предположу, что экспертиза была написана тоже в соавторстве — с человеком, который явно был заинтересован в каком-то определенном исходе дела. Еще несколько комплексных заключений АНО «Центр судебных экспертиз» из Твери, там психологическая часть была копипастой лингвистической. Но все равно это считанные

единицы.

И в этот ряд встает экспертиза по делу Романа Иванова. Ее проводил калужский НИЦСЭиК (*Центр судебной экспертизы и криминалистики. — Ред.*). Лингвистическая часть написана человеком, не имеющим никакого отношения к филологическим наукам, человеком неграмотным, человеком, который даже скопипастить из каких-то словарей (не указано, из каких) не мог нормально. Обилие опечаток, и психологические выводы прямым текстом сделаны в лингвистической части заключения. Выступая на этом процессе, я сказала, что автор — не филолог. И указала на три возможных варианта авторства. Первый — что текст написан тем, кто его подписал, но этот человек не имеет специальных знаний. Эта версия отпала в ходе судебного разбирательства. Второй: всю экспертизу (и психологическую, и лингвистическую часть) написал эксперт-психолог. И третий вариант: лингвистическую часть написало какое-то третье лицо, чья фамилия не была указана.

С точки зрения этики это нижний предел поведения судебного эксперта.

«КРІ, близкие к нулю»

— Объясните, зачем нужны такие манипуляции? Почему нельзя найти экспертов-лингвистов из всех этих учреждений, которые мы перечисляли: Минюст, МВД, ФСБ, — чтобы они написали экспертизу и подписали ее?

— Это каждый раз складывается как уникальная ситуация. Может быть, вопрос времени, лени, чьей-то, возможно, невнимательности. Но в любом случае так не должно было случиться. Это ведь не единственное нарушение. Это только самое огромное, немыслимое. Там было этих нарушений очень много. И это все не должно было пройти через суд. И самое

главное: экспертиза по «делу Романа Иванова» была написана вне государственного судебно-экспертного учреждения, с нарушением госмонополии. Она была написана негосударственными экспертами. В своих показаниях они объяснили, что государственными не являются. Поэтому такая экспертиза не могла стать основанием для обвинительного приговора. Должна была произойти переквалификация этого обвинения (чтобы оно перестало быть «экстремистским»), либо суд должен был назначить повторную экспертизу в госучреждении. Тем не менее вынесен обвинительный приговор, и в его основу положено это заключение, что совершенно очевидным образом нарушает федеральный закон.

— Были ли в последние годы в вашей практике случаи, когда суд по политическим делам принимал сторону специалиста, которого привлекает защита?

— Постараюсь объяснить с точки зрения судьи. Если есть неустранимые сомнения, то суд обязан вынести оправдательный приговор. Этого суд очень не хочет. Поэтому он не может остановиться на двух доказательствах: на заключении эксперта и на заключении специалиста, которые друг другу противоречат. Он должен воспользоваться правилом, которое предписывает назначать повторную экспертизу. И вот в такой промежуточной ситуации суд не раз вставал на мою точку зрения и мотивировал свои определения доводами специалиста. Назначают новую экспертизу, но потом это тянется месяцами, и не всегда в результате суд принимает справедливое решение.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Вот мы сейчас с вами разговариваем, и, в общем, возникает достаточно пессимистическое ощущение от того, как готовятся экспертизы. Но вы продолжаете сражаться в суде и отстаивать свою точку зрения. На что вы надеетесь?

— Ну, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Может быть, это инерция? Я просто занимаюсь своей работой, своей профессией. С КРІ, близкими к нулю. Но мало того, что суды не слышат. В работе специалиста есть еще одна интересная вещь: сторона, которая приглашает специалиста в суд, примерно представляет, что специалист скажет нечто совпадающее с ее позицией, но, соответственно, это не будет совпадать с позицией ее процессуального оппонента. В уголовном деле оппонент — прокурор. Он профессиональный участник процесса, он на работе. И тут приходит кто-то, чтобы разрушить, как он полагает, результаты его работы. Неприятно.

Поэтому прокурор всегда видит в специалисте врага и почти всегда нападает. Когда прокурор допрашивает специалиста в суде, это не выглядит как допрос, это часто выглядит как хамство, которое суд если и пресекает, то уже когда-нибудь в конце.

Это очень энерго- и нервозатратная ситуация. Прокуроры — люди с юридическим образованием, которых учили тактическим приемам допроса: фактор внезапности, создание напряжения, изобличающие вопросы (ну, то, что им кажется изобличающими вопросами) и т.п., чтобы, значит, допрашиваемого расколоть. Но специалист — не подсудимый, и его не надо раскалывать. В чем он может вам признаться: что купил диплом? Поэтому те приемы общения со специалистом, которые применяет большинство прокуроров в судебном заседании, есть негодные приемы. Это избыточное давление на специалиста, который обязан в ответ на любое хамство доброжелательно объяснять: «Уважаемый прокурор! Давайте я вам поясню то-то и то-то». Мало кто ведет себя корректно, по-человечески адекватно и на должном профессиональном уровне. Таких прокуроров я помню, и я им благодарна.

Но самое главное — наша работа давала бы больше морального удовлетворения, если бы суды не вели себя так, как они себя ведут. В первую очередь нарушают закон в таких процессах судьи. Они буквально делают над собой усилие, чтобы игнорировать доводы защиты, и все равно постановляют обвинительный приговор, что бы ни говорилось. Иногда это большие усилия, иногда меньшие, иногда это совершенно экстраординарные усилия, как в «деле Романа Иванова». Цель поставлена — обвинительный приговор, и все.

А право на защиту — это просто право поболтать в судебном заседании.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Эта экспертиза — плагиат из двух статей»](#)

Филолог Ирина Левинская — о политических процессах, специалистах «по вызову» и синтаксических расхождениях с истиной

11:38, 12 октября 2023, Нина Петлянова